

ISSN 0453-8048

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 428'1

Серія: теорія культури та філософія науки
Випуск 1

Заснований у 1991 році

Харків
1999

Bibliography

1. D.Bohm. Wholeness and the implicate order. L., 1984.
 2. V.A.Fock. "Uspekhi fizicheskikh nauk", 1958, v.66, p.592 (foot-note on this page).
 3. S.Kochen. "A New Interpretation of Quantum Mechanics," Symposium of the Foundations of Modern Physics: 50 Years of the Einstein-Podolsky-Rosen Gedankenexperiment" (Singapore; World Scientific Publishing Co., 1985), pp. 151-69.
 4. A.A.Grib. "Uspekhi fizicheskikh nauk", 1984, v.142, p.621.
- * I pleased to thank Dr., Prof.Taras Zakydalsky and Yana Botsman for important remarks and help.

В.И. Штанько

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Судьбы классического типа рациональности — одна из наиболее дискуссионных проблем в современной философии науки. В центре этих дискуссий — стремление понять, должны ли мы говорить о кризисе научной рациональности вообще и отказе от ее принципов или только кризисе классического типа рациональности и о его трансформации. Пересмотр понятия рациональности в философии науки начался с 60-х годов, когда складывался постпозитивизм, представленный известными именами Т. Куна, И. Лакатоша, С. Тулмина, П.Фейерабенда др. Эти мыслители, стремясь создать историко-методологическую модель науки, столкнулись с проблемой исторического характера рациональности, с плюрализмом сменяющих друг друга её форм. Как отмечал Ст. Тулмин, "проблема человеческого понимания в XX ст. ... требует, чтобы мы пришли к терминам динамическим во взаимодействии между миром человеческих идей и миром природы, сознавая при этом, что ни один из них не является инвариантным. Вместо неизменного разума, который получает команды от неизменной природы с помощью неизменных принципов, мы стремимся найти изменчивые познавательные отношения между изменчивым человеком и изменчивой природой"¹.

Один из возможных путей пересмотра классического типа рациональности, как считают ряд исследователей, — признать справедливым утверждение, что научная рациональность не является ни единственным, ни высшим видом рациональности. Расширение понятие рациональности предполагает осознание того, что наряду с научной, существуют и другие виды рациональности — религия, политика, право и т.д. Каждому из этих видов присуща своя собственная "логика" эволюции и каждый может взаимодействовать с другими видами рациональности².

Некоторые философы (В.С. Швырев) предлагают ввести представление о "открытой" и "закрытой" рациональностях. "Закрытая" рациональность представляет собой деятельность внутри принятой сетки познавательных координат (внутрипарадигмальная деятельность). Открытая рациональность — предполагает способность выхода за пределы фиксированной системы координат, критический рефлексивный анализ исходных предпосылок концептуальных систем, лежащих в основе определенной парадигмы. Различение закрытой и открытой рациональностей позволяет более терпимо и уважительно относиться к альтернативным картинам

¹ Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. — С.41.

² См. *Исторические типы рациональности*. В двух томах. Т. 1. 350 с. Т. 2. 320 с. М. ИФРАН. 1998. Редколлегия: П.П. Гайденко, В.А. Лекторский, В.С. Степин. Отв. редактор 1 тома — В.А. Лекторский, 2 тома — П.П. Гайденко.

мира, возникающим в иных культурных и мировоззренческих традициях, нежели наша современная наука.

В западной методологии науки осознание кризиса традиционного (“фундаменталистского”) понимания рациональности, в рамках которой считалось, что рациональность (rationality) теорий и действий обусловлена подтверждением (justification) их несомненно истинными принципами, привело к формированию т.н. “плавающего фундаментализма”. В его рамках делается попытка заменить основания наших теорий, убеждений, действий менее фундаментальными и более условными — “научная парадигма”, “лингвистическая структура”, “коммунальное согласие”, которые способны ограничить наши “авторитетные горизонты”. С другой стороны — вслед за К. Поппером, рациональность переопределяется в терминах нашей способности к критике теорий, убеждений или действий вместо нашей способности оправдывать их.

В современной философии науки чаще всего речь о том, что сама наука как вид рациональности также гетерогенна, поскольку для разных исторических эпох характерны свои исторические типы рациональности. “Расширение рациональности” не сводимо к разработке новых методов, формализмов и т.п., а представляет собой скорее выработку нового стиля научного мышления, нового методологического сознания. Поиск эффективных форм “новой рациональности” осуществляется прежде всего путем преодоления традиционного “методологизма” классической науки. Этот поиск неизбежно идет через плюрализм и неустранимую множественность точек зрения на одну и ту же реальность, смешение стилей мышления, методов познания, интерпретаций, что делает современную философию науки “постмодернистской”.¹ Он органично связано с утверждением принципиально нового видение природного и социального мира и формированием новой парадигмы научного мышления.

Достижения в области квантовой механики, теории относительности, современной эволюционной космологии, неравновесной термодинамики, теории информации и теории динамических систем формируют новый образ мира. Этот мир сложноорганизован. Он открыт, является не ставшим, а становящимся, не просто существующим, а непрерывно эволюционирующим миром, миром необратимых процессов.

Наука второй половины XX в. ликвидировала противоположность биологии и физики в понимании эволюции. Выяснилось, что процессы становления, усложнения организации присущи не только биологическим системам, но и системам неорганической природы (концепция эволюции Вселенной Фридмана и Хаббла, неравновесная термодинамика Пригожина, синергетика, идея самоорганизации в кибернетике и теории информации Винера и Эшби). Эволюция затрагивает не только макроскопические тела, но и мир элементарных частиц, основные типы физических взаимодействий. Если раньше считали, что Вселенная как целое не может развиваться, является стационарной, то в XX в. возникла теория расширяющейся Вселенной. Т.о., идея развития, эволюции не только проникает во все области природных явлений, но и приобретает глобальное космическое значение: пределы применимости этой идеи расширились от объектов микромира до Метагалактики. Понятия “бытие” и “становление” объединяются в современной науке в одни понятийные рамки, идея эволюции органично входит не только в науки о духе и о живом, но и в физику, и в космологию.

Новые научные факты и представления не только существенно изменяют упрощенное представление об объекте исследования, которое сформировалось в классической науке, но обуславливают потребность в новой методологии, формируют новый стиль научного мышления, новые идеалы и нормы научного описания и объяснения — новый тип рациональности.

Одна из важных особенностей трансформации классического типа рациональности — формирование нелинейного мышления. Доминировавшая в классической науке парадигма линейно-поступательного развития систем различной природы (в том числе биологических и социальных) исчерпала себя. Онтологической основой становления этого типа мышления являет-

¹ Случайно ли, что именно к концу 60-х-70-е годы относятся первые побеги плюралистического сознания в науке: с одной стороны, “методологический анархизм” П.Фейерабенда, а с другой — исследования И.Пригожина и Г.Хакена в области самоорганизации и диссипативных структур, продемонстрировавшие неожиданную множественность форм материального бытия?

ся установления факта отсутствия жесткой предопределенности эволюционных изменений сложных открытых систем и утверждение идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции.

Современная постнеклассическая наука исследует преимущественно открытые нелинейные системы, которым свойственна принципиальная неоднозначность и непредсказуемость поведения. С самого начала и к любому данному моменту времени будущее остается неопределенным. Развитие может пойти в одном из нескольких направлений, что чаще всего определяется каким-нибудь незначительным фактором.¹ Сложная открытая система (а таковые типичны в мире, в котором мы живем) не жестко следует "предписанным" ей путям. В состоянии неустойчивости система как бы совершает "блуждания по полю возможного", актуализирует, выводит на поверхность лишь один из возможных путей, причем каждый раз случайно и "выбор" системой возможных структур, пути, по которому пойдет ее дальнейшее развитие или даже произойдет распад, заранее предсказать нельзя.² При этом малое воздействие, флуктуация, случайность могут послужить началом эволюции в принципиально новом направлении, которое резко изменяет все поведение макроскопической системы. Малые флуктуации вместо того, чтобы затухать, могут усилиться, и система будет эволюционировать в направлении "спонтанной организации". Только системы в состояниях неустойчивости, способны спонтанно организовывать себя и развиваться. Устойчивость и равновесность — это, так сказать, тупики эволюции. Для устойчивых стационарных структур малое возмущение "сваливается" на то же самое решение, на ту же самую структуру.

Таким образом, в современной науке утверждается представление о том, что развитие открытых систем происходит через неустойчивость, через бифуркации, через случайность, а их поведение непредсказуемо вовсе не потому, что человек не имеет средств проследить и просчитать их траектории, а потому, что мир так устроен. В описании новой картины мира оказываются неразрывно связаны три понятия: случайность, необратимость, уникальность. Синергетика обосновывает мысль, что хаос, беспорядок, случайности необходимы для рождения нового: хаос есть конструктивное начало, основа для процесса развития.

Нелинейность процессов делает принципиально ненадежными и недостаточными характерные для классической рациональности прогнозы-экстраполяции от наличного.³ Ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации (точки ветвления), а сама случайность (такова она уж по природе) обычно не повторяется вновь. Это обуславливает возможность неожиданных изменений направления движения процессов.

При этом в методологии познания уникальных, самоорганизующихся систем используются особые способы описания и предсказания многовариантности их поведения. С идеалом строения теории как аксиоматически дедуктивной системы всё больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы построения "сценариев" возможных линий эволюции сис-

¹ Образ постнеклассической картины мира, который формируется под слиянием синергетики, — древовидная ветвящаяся графика.

² См. Квязева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии №12, 1992. Классическим примером являются метеорологические ситуации. Недаром тут говорят об "эффекте бабочки", взмах крыла которой может привести к непредсказуемым и весьма значительным последствиям. Или, например, в условиях ситуации социальной напряженности в обществе — гнилое мясо в борще может вызвать революцию.

³ Линейное мышление хорошо работает лишь, в ограниченных условиях. В целом математические методы прогнозирования следовали духу линейного мышления. С другой стороны, возросшая мощность современных компьютеров позволила приступить к анализу нелинейных проблем. В середине 50-х годов XX столетия метеорологи отдавали предпочтение статистическим методам прогнозирования на основе понятия линейной регрессии. Такое отношение подкреплялось успешным предсказанием стационарных случайных процессов Норбертом Винером. Эдвард Лоренц скептически относился к идее статистического прогноза погоды и решил проверить его правильность экспериментально с помощью нелинейной динамической модели.

темы в точках бифуркации. Исследование осуществляется чаще всего методом вычислительно-го эксперимента на ЭВМ. Он позволяет выявить разнообразие возможных структур, которые способна породить та или иная система.

С другой стороны, взаимодействие человека с саморазвивающимися системами, характеризующимися синергетическими эффектами, принципиальной открытостью и необратимостью процессов, протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле её возможных состояний. Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества путей эволюции системы. Познав нечто, человек начинает действовать уже по-другому, с учетом полученных знаний. Значит и история начинает идти по-иному.¹ Причём в деятельности с саморазвивающимися системами особенно в их практическом, технико-технологическом освоении особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия.

Рационализм постнеклассической науки, одним из проявлений которого стало нелинейное мышление, расширил рамки научной рациональности, оставив фактически без изменения ее нормативную основу: та же рассудочность, та же логика, тот же дискурс. Однако в отличие от классического типа рациональности, тип рациональности формирующийся в современной культуре и науке, утверждает идею не только познания мира, но и его понимания — раскрытия (освоения, создания) его смыслов.² Поэтому можно предположить, что принципиальное “расширение рациональности” возможно через пересмотр смысловой концепции разума. Представляется, что один из возможных путей такого пересмотра — формирование представлений о понимающей рациональности и интерпретирующем разуме.³

Классическая рациональность стремилась увидеть мир таким, каким он есть “сам по себе”, избавиться от “демонов” человеческой субъективности⁴. Она стремилась рационализировать любой аспект человеческой экзистенции, и конечно же, прежде всего — рационализировать человеческий разум и сознание. Не случайно Ratio в глазах таких постмодернистов как Гайдеггер, Фуко, Адорно, Деррида принимает лики “логоцентризма” (Деррида), “индустриального разума” (Адорно), “калькулятивного мышления” (Гайдеггер). Наука нацеливала исследователей на вычленение определенных связей и отношений в природе (или обществе) с целью получения операционального знания, которое служит основанием не понимания, а технологического ис-

¹ Мы являемся свидетелями все ускоряющегося роста могущества цивилизации и ее способности влиять на процессы, протекающие в остальной природе. Деятельность людей опасно перестраивает само содержание истории, да и эволюционного процесса биосферы.

² От научной рациональности, понятой как техника овладения природой, считает П.П. Гайденко, необходимо вновь обратиться к разуму — как к той высшей человеческой способности, которая позволяет понимать; понимать смысловую связь не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их целостности, их единстве, их живой связи.

³ В литературе понятие интерпретирующего разума чаще всего противопоставляется законодательному разуму как форме наиболее полно выражающей суть классической рациональности, соответствующей духу эпохи Просвещения. И это в определенном аспекте так. Однако нам бы хотелось обратить внимание на другой смысловой оттенок понятия “интерпретирующий разум” и сопоставить его с понятием “отражающий разум”, “конструирующий разум”, рассматривая их различия в понимании сущности познавательного отношения человека к миру.

⁴ Парадигма науки, отвечающая идеалу абсолютной беспристрастности, в которой мир описывается путем точного задания всех его деталей, была выражена Лапласом. Он писал, что “ум, которому были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей... обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движениями мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недоступно, и будущее, так же как и прошлое, предстало бы перед его взором” [Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, с.9]. Такой ум обладал бы полной научной информацией о Вселенной, но понимал ли бы он что-либо в ней? Напрашивается аналогия этого ума с базой данных гигантского компьютера.

пользования. И это удавалось до тех пор, пока объектами нашего познания оставались механические системы, объекты, лишенные развития, жизни, смысла. Но как только наука обратилась к исследованию развивающихся, человекоразмерных систем, возникла необходимость не только объяснить их через призму причинно-следственных связей, но и постигнуть целевую детерминацию, понять смысл¹.

Устойчивая традиция рассматривать разум как рациональную манипуляцию с ментальными символами согласно строго определенным правилам, а человека как “духовный автомат”, господствующая в классической парадигме Ratio и триумфально проявившая себя в создании систем искусственного интеллекта, в 80-90-х годах подрывается как бы изнутри. Именно в области разработки и проектирования систем ИИ (экспертных систем, машинного перевода, распознавания образов) формируются предпосылки для осознания принципиальных границ классической рационалистической модели разума. Эти исследования парадоксальным и неожиданным образом ведут к “свержению диктата” (Шрейдер Ю.) классического рационализма, заставляя нас предположить, что так понимаемая рациональность ... вытеснила разум.

Ограниченность и неуниверсальность рационалистической модели разума и мышления, ориентированной на возможность существования бесконтекстного знания, на возможность полного отчуждения и объективизации знания от субъекта осознается и при создании экспертных систем. Оказалось, что чем сложнее проблема, решаемая экспертом, тем большую долю в используемом им знании составляет личностное, неявное знание.

Преувеличение роли отражательного аспекта, структурного соответствия образа и объекта, достигаемого “непосредственным” воспроизведением объекта, характерное для классической науки, противоречит данным современной психологии и когнитологии. Они выявили репрезентативный характер многих структур познавательной деятельности (М.Вартовский), существенную роль в познании “предвосхищающих перцептивных схем”, “предпонимания”, определенных ожиданий и установок субъекта. Оказывается, что образы предметного мира в нашем сознании формируются преимущественно неотражательными по своей природе операциями (выдвижения объект-гипотез, категоризация, различные способы репрезентации, редукции, реконструкции, интерпретации, введения конвенций, элементов веры, процедуры понимания и т.п.). Все эти представления не вписываются в идеал классической рациональности, который трактовал разум преимущественно как отражающий.

Сегодня вновь, но теперь уже не со стороны философии, а со стороны самой науки (и причем естествознания и техники), приходит идея о необходимости формирования понимающей рациональности.

Понимание можно рассматривать как исходный феномен мышления, связанного с порождением новых идей и смыслов. Смыслы же связаны не только со всей системой знаний личности о мире, но и с его эмоционально-волевой сферой, верованиями и убеждениями, которые нельзя выразить в контексте теории отражения и посредством каких-либо формализмов. Они не отчуждаемы от субъекта и невыразимы однозначно на языке множественных представлений и структур, как того требует концепция отражения, трактуя знание в терминах изо- или гомоморфного соответствия его с объектом.

Человек включен в реальность, она неотделима от ментальных и коммуникативных процессов (субъект и познаваемая реальность — составные общего “контекста” или межличностных связей). При попытке найти окончательные бесконтекстные и бесцелевые элементы, чтобы определить далее неразложимые кванты информации, как того требует информационно-

¹Уже в конце 19 в. появляются ставшими классическими работы В.Дильтея (например, “Описательная психология”), в которых обосновывается мысль о необходимости создания особой — понимающей психологии в противовес объясняющей, ориентированной на сложившиеся к тому времени идеалы и методы естественных наук. Им была четко обозначена возможность двух, тогда казавшихся принципиально несовместимыми и несоизмеримыми, подходов к научному исследованию человека — подхода извне — объясняющего — (человек — объект в ряду других объектов научного познания, “Что такое “самость”?) и подхода изнутри — понимающего — (человек — субъект, данный себе самому в актах своих психических переживаний, “Каков смысл моего конкретного бытия?”)

компьютерная парадигма, мы фактически стараемся очистить факты нашего жизненного опыта от той прагматической организации его, благодаря которой только и возможно их гибкое использование, приводящее к решению тех или иных проблем.

Мир для человека не просто онтологическая реальность, а ценностно-смысловая реальность. В современной науке объяснение и понимание не противопоставляются как методы познания в естественных и гуманитарных науках. Знания "как" и "почему" в развитии науки являются как бы предварительным условием понимания смысла ("зачем"). В понимании реализуется универсальная методологическая схема: предпонимание — интерпретация — объяснение. Данная схема универсальна в том смысле, что она реализуется как в естественных, так и гуманитарных науках.

Важной особенностью этого типа рациональности, на наш взгляд, является преодоление противопоставления объяснения и понимания, методологии познания наук о природе и наук о духе.

В рамках классической парадигмы научного исследования и классического типа рационализма (со времени неокантианства) установилось различие номотетического (генерализирующего, унифицирующего) метода наук о природе и идеографического (индивидуализирующего) метода наук о духе. Весь мир индивидуального обобщающие науки о природе оставляют за скобками, но ведь любой процесс, телесный или духовный, всегда уникален: он происходит однажды в данной точке пространства-времени, что и полагает предел естествознанию с его общими законами. Естествонаучный рассудок, ориентированный исключительно на закон как необходимую повторяющуюся связь событий, распространял метод генерализации на сферу социально-исторических и духовных явлений и вынуждал тем самым к капитуляции традиционное гуманитарное знание, памятующее об уникальном.

Проблемы уникального и понимания соизмеримы. Как отмечает И. Валевская, отрицательный опыт классической метафизики показывает, что индивидуальное, уникальное невозможно познать, используя арсенал классической эпистемологии. Его можно только понять, постигнуть, то есть реконструировать горизонт смыслов, которые составляют его суть.¹

Сегодня естествознание все больше интегрирует "идеографическую" установку наук о культуре, ставя в центр такие понятия, как уникальность, органическая целостность, "хрупкость" Вселенной, связанной с антропным принципом. Мы живем в эволюционирующем мире, мире необратимых процессов и должны научиться описывать и живые объекты, и саму Вселенную как эволюционирующие объекты, имеющие свою историю. Важно отметить, что при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося к уникальному и специфическому. Осознание того, что универсум принципиально неравновесный и нестабильный придает случайности совсем иной статус: она переносится в сердцевину любого процесса, делая его нелинейным, неоднозначным и потому в существенных моментах непредсказуемым. Поэтому в ближайшем будущем, заявляет Пригожин, науку ожидает расширение и переосмысление классических понятий. В частности, считает он, должна быть преодолена оппозиция понятий "закон науки" и "история". При этом возникает необходимость пересмотра содержания категорий "время" (в контексте нового понимания необратимости времени и новой трактовки соотношения между будущими и настоящими состояниями нелинейной среды). Все это способствует уточнению и конкретизации таких философских категорий, как структура и система, порядок и беспорядок, устойчивость и неустойчивость, простота и сложность, необходимость и случайность, детерминизм и др., которые используются при характеристике процессов развития.

Речь идет о существенном изменении естественнонаучного менталитета. Т.е. сами "науки о природе" преодолевают установки генерализации. Естествоиспытатели начинают осваивать мир природных объектов с тех позиций, которые прежде были свойственны идеографическим "наукам о культуре". Там, где их предшественникам виделся мир стационарных, тиражируемых объектов, они находят уникальное, неповторимое. Постулат о бесконечности миров и бесконечной тиражируемости любых состояний и явлений во Вселенной (в том числе жизни и разумной

¹ Валевська І. Історичні долі класичної метафізики в ХХ сторіччі // Філософська думка. 1998. №2

который преобладал в рамках классической науки, изгонял уникальность и связанную с ней тревогу за неповторимую гармонию мира. В таком мире наша технологическая свобода бесконечна, и к тому же нам дается "право на ошибку". Если в результате наших ошибок что-то и погибнет, то в свете упомянутого постулата это не повлечет за собой невозможных потерь в порядке бытия.

Историчность системного комплексного объекта и вариантность его поведения предполагает широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний — построения сценариев возможных линий эволюции системы в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически дедуктивной системы всё больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы и т.д.

Но кроме развивающихся систем, которые образуют определённые классы объектов, существуют уникальные исторически развивающиеся системы. Эксперимент, основанный на энергетическом и силовом взаимодействии с системой не позволяет воспроизводить её в одном и том же начальном состоянии. Сам акт первичного "приготовления" этого состояния меняет систему, направляя её в новое русло развития, а необратимость процессов развития не позволяет воссоздать вновь начальное состояние. Поэтому для уникальных развивающихся систем требуется особая стратегия экспериментального исследования. Образ эксперимента как попытки природы, сложившийся ещё в эпоху становления естествознания, требует в этой ситуации пересмотра.

Исследование уникальных, самоорганизующихся систем осуществляется чаще всего методом вычислительного эксперимента на ЭВМ. Возрастающие вычислительные возможности современных компьютеров делают возможным новый количественный подход в компьютерном моделировании. Он позволяет выявить разнообразие возможных структур, которые способна породить система. Огромное преимущество динамических моделей заключается в том, что они с помощью компьютерной графики позволяют наглядно представить различные сценарии с изменяющимися параметрами. Такие сценарии могут подтвердить, ограничить или отвергнуть выбранную модель.

Смысловой образ разума, утверждающийся в современной науке, включает в себя не только понятийное мышление, но и то, что носит название "интуитивного", "неосознанного", инсайта, озарения. Понимание рождается через образы, интуицию, воображение, переживание, поэтому представление об интерпретирующем разуме должно включать и нерациональные компоненты духовной деятельности: понятийное мышление отнюдь не единственная ипостась человеческой субъективности, а зачастую само оказывается заложником страстей и влечений. Старые идеалы рациональности, абстрагированные от этих существенных составляющих человеческой жизни, полностью игнорируют мир человека. Ведь ещё Ницше понимал, что мир представляется нам логизированным, потому что мы сами его логизировали.

Отражающий разум, выявляя объективные законы, остается равнодушным к индивидуальным свойствам объектов, может быть, как раз существенным для их бытия, а разум интерпретирующий — стремится эту индивидуальность и неповторимость выявить через понимание смысла.

Универсум — это целостный объект, допускающий бесконечное множество различных членений, соответствующих тому или иному способу изучения системы ("ипостаси", "лики" объекта познания). Поэтому логичнее предположить, что мир как объект нашего познания не редуцируем бесконечно, а бесконечно интерпретируем. Картина реальности с этих позиций рассматривается не как отражение мира в смысле Спинозианских представлений о том, что порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей, а как множество смысловых интерпретаций, некая смысловая голографическая картина реальности. При этом осознается неизбежность многосмысленности и бесконечность процесса интерпретации мира, но не по причине беспомощности познающего ума, и не в результате устрашающей способности познания регенерировать текст (Деррида), а в силу особых свойств мира, его конечной неразложимой и неделимой целостности, которая не может быть полностью и однозначно описана в терминах нашего языка.

Становление концепции интерпретирующего разума и понимающей рациональности не отменяет нормы классической рациональности, а только ограничивает сферу их действия. Они утрачивают свой доминирующий статус.

По-видимому, отражающий и интерпретирующий разум, будучи определенными ипостасями целостного разума, находятся в отношении дополнительности друг к другу. Отражающий разум, выявляя объективные законы, остается равнодушным к индивидуальным свойствам объектов, может быть, как раз существенным для их бытия, а разум интерпретирующий — стремится эту индивидуальность и неповторимость выявить через понимание смысла. Возможно, это позволит совместить ориентацию науки на истинность и объективность с ценностным и моральным подходом к научному знанию, достичь идеала гармонии Истины, Добра и Красоты.

И.А. Щекалов

ИДЕИ ПОЗДНЕГО Л. ВИТГЕНШТЕЙНА В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В философии XX столетия едва ли не повсеместно подвергается критике картезианская традиция, ранее бывшая прочной основой научного и философского мышления. Причиной этому является как сама наука, требующая нетрадиционных подходов к обобщению ее результатов, так и философия, обретающая новое лицо перед реальностями быстротекущей жизни. Антикартезианские идеи в философии в разное время были высказаны Дж. Дьюи, Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Л. Витгенштейном, Р. Рорти и др. Среди прочего речь шла об отказе от жесткого объект-субъектного разделения мира, от поисков конечных оснований истинного мышления. Последнее подрывало саму идею о возможности создания системы точного философского знания.

Одним из наиболее радикальных критиков картезианской эпистемологии считается Л. Витгенштейн (1889-1951). Уже в «Логико-философском трактате» [1] он переносит акцент гносеологической проблематики с форм мышления в сферу языка, тем самым ставя язык на тот уровень, который прежде занимала логика. Здесь, следуя в русле идей Г. Фреге и Б. Рассела, Л. Витгенштейн пускается в поиски конечных (абсолютных и непроверяемых) языковых элементов, на которых становится возможным, как он полагал, сконструировать точные языковые структуры, и таким образом, решить проблему языка науки.

Эти поиски в общем не выходили за пределы той методологической стратегии, которая была задана еще Платоном и Аристотелем и получила название эссенциализма. В работах К. Поппера показана ошибочность и ограниченность представлений о возможности неких достоверных оснований знания о мире как о целом и сложном образовании, которое можно «разложить» в процессе его познания на простые, элементарные сущности.

Эта очевидная по своей наглядности и простоте логика сразу же обнаружила свое коварство, поскольку ни в опыте, ни логическим путем таковые сущности обнаружены быть не могли, их постижение отдавалось во власть интуиции и догадок.

На определенных этапах развития философского и научного знания такая логика оправдывалась и с теоретической и с практической сторон. Она высвечивала некие перспективы и уже этим задавала импульс к дальнейшим (все новым и новым) поискам таких сущностей. Но когда стал вопрос о более точном обосновании всего научного знания, о строгом языке науки, неполнота и незавершенность эссенциализма стали очевидными.

В рамках традиционного мышления ранний Л. Витгенштейн отдает дань традиции эссенциализма, за что его подвергает критике К. Поппер [2]. Однако сам Витгенштейн, несмотря на огромный успех его «Логико-философского трактата», эволюционирует в ином направлении, он оставляет идею эссенциализма как невозможную в принципе, и в этом проявляется суще-